

Почему вермахт не остановили в Беларуси

Иван БАСЮК, доктор исторических наук, профессор

Героические и трагические события, связанные с деятельностью народных мстителей в годы Великой Отечественной войны, изучались в Беларуси на протяжении многих лет. Однако бесценный опыт партизанского движения, развернувшегося на территории нашей республики в тот исторический период, во многом не потерял своего значения и сегодня. Ведь в современных условиях ведущим видом войны становится так называемая гибридная война, а ее неотъемлемую часть составляет партизанская борьба – напряженная, активная и масштабная.

Цели и задачи партизанской борьбы в разное время по-разному понимались и оценивались. Российский исследователь В.И. Боярский справедливо подметил, что еще герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, анализируя опыт борьбы с французами, пришел к выводу, что партизаны должны заниматься «не сожжением одного или двух амбаров» и не «нанесением прямых ударов главным силам неприятеля», а пересекать пути снабжения войск противника «пропитанием и зарядами» [1, с. 16].

В СССР партизанская борьба высоко оценивалась еще со времен Гражданской войны, М.В. Фрунзе называл ее «малой войной» в тылу противника [2, с. 43]. Из документов и мемуарной литературы известно, что, кроме планов обороны страны, прикрытия государственной границы, в СССР в 1920–1930-е годы имелись и строго засекреченные планы развертывания партизанской борьбы на советских territori-

ях, которые могли подвергнуться временной оккупации противником.

Подготовкой к партизанской войне занимались 4-е (разведывательное) управление главного штаба РККА и специально созданные 4-е отделы штабов военных округов (в том числе и Белорусского военного округа), а также НКВД СССР (до 1937 года его особый отдел, а потом 3-й отдел) [1, с. 53, 61]. В БССР было создано Специальное бюро ГПУ, с 1930 по 1936 год оно провело целый комплекс мероприятий по подготовке к партизанской борьбе. А.К. Спрогис, начальник специальной школы, в которой прошли обучение многие будущие партизаны и партизанские командиры, отмечал: «Всё, чему мы научились в мирное время, оказало потом неоценимую помощь нам в борьбе с немецкими оккупантами» [1, с. 54].

Наряду с подготовкой партизанских кадров, разрабатывались военно-оперативные планы использования партизанских формирований. По свидетельству одного из организаторов предвоенных партизанских отрядов И.Г. Старинова, к 1933 году в СССР все было подготовлено к тому, чтобы в случае вражеской агрессии «осуществить внезапно и одновременно такую крупную управляемую операцию, в результате которой были бы парализованы все коммуникации западных областей Белоруссии, Украины и Бессарабии, занятых противником. В результате его войска на фронте остались бы без пополнений, боеприпасов и горючего» [3, с. 78].

Для достижения поставленных целей в приграничных республиках и областях

ОБ АВТОРЕ

БАСЮК Иван Александрович.

Родился в 1942 году в д. Горевичи Новогрудского района Гродненской области. Окончил исторический факультет Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова (1972), аспирантуру Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск) (1981). Преподавал в высших военных учебных заведениях Вооруженных Сил СССР.

С 1987 года – в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, профессор кафедры теории и истории государства и права.

Доктор исторических наук (2005), профессор (2007).

Автор более 100 научных работ, 4 монографий, 6 учебных пособий.

Сфера научных интересов: начальный период Великой Отечественной войны, история белорусской государственности, история политической и правовой мысли Беларуси.

были развернуты секретные партизанские формирования. В Беларуси, по данным С.А. Ваупшасова, было сформировано шесть партизанских отрядов: Минский, Борисовский, Слуцкий, Бобруйский, Мозырский и Полоцкий численностью в 300–500 человек. В каждом имелся штаб, весь личный состав прошел обучение методам партизанских действий в специальных закрытых школах. Также для борьбы с противником в городах и крупных железнодорожных узлах были заранее созданы подпольные диверсионные группы [4, с. 202].

Для партизан и подполья были заложены «лесные запасы» оружия, боеприпасов и средств связи. С.А. Ваупшасов в своих мемуарах пишет, что в белорусских лесах, в строгой секретности, для партизанских отрядов в землю зарыли толовые шашки, патроны, гранаты, 50 тыс. винтовок и 150 ручных пулеметов. Эти склады были рассчитаны не только на первоначальную численность партизанских подразделений, но и на их бурный рост в случае вражеской оккупации [4, с. 202]. Командирами четырех белорусских партизанских отрядов заранее назначили К.П. Орловского, В.З. Коржа, А.М. Рабцевича и С.А. Ваупшасова.

Секретные партизанские формирования создавались и в других республиках. По данным И.Г. Старинова, на Украине было подготовлено не менее 3 тыс. партизанских командиров и специалистов, заложено много оружия, боеприпасов и минно-взрывных средств. Аналогичная работа проводилась и в Ленинградском военном округе [3, с. 77].

Боевые возможности секретных партизанских отрядов проверялись на учениях. В 1932 году под Москвой провели секретные Бронницкие тактические маневры, в которых, по свидетельству их участника С.А. Ваупшасова, были задействованы дивизия особого назначения НКВД СССР, Высшая пограничная школа, академии и училища Московского военного округа. На учениях присутствовали К.Е. Ворошилов и С.М. Буденный. На маневрах отрабатывались ситуации возможной высадки десанта в тылу противника и прочие [4, с. 202].

Самое крупное учение, в котором участвовали секретные партизанские отряды, состоялось осенью 1932 года в Ленинградском военном округе. В учении были задействованы около 500 человек из Ленинградского и Белорусского военных округов

и Украины. «Партизаны» в гражданской одежде, в головных уборах с красными полосками, плащах и с рюкзаками были вооружены японскими карабинами, учебными гранатами и минами. В ходе учений их перебрасывали в тыл противника через «линию фронта» по воздуху. Учебные отряды успешно провели ряд нападений из засад, но вот их налеты на армейские штабы «противника» оказались неудачными. Войсковая охрана штабов и других военных объектов, как правило, обнаруживала партизанские диверсионные группы еще на подходе к охраняемым объектам.

Более эффективно на учениях действовали небольшие диверсионные группы на железных дорогах. Даже на тщательно охраняемых участках «партизанам» удавалось установить учебные мины на действующих железнодорожных путях. Машинисты паровозов, не зная об учениях, порой были на-

пуганы вспышками учебных мин под колесами своих поездов, они экстренно тормозили и даже останавливали составы. Учения показали, что партизаны путем диверсий способны парализовать железнодорожные коммуникации противника и тем нарушить снабжение его войск [1, с. 57–58].

Отношение к секретным партизанским формированиям в Советском Союзе изменилось со второй половины 1930-х годов, когда была принята новая доктрина – в случае войны бить противника на его собственной территории. Суть новой доктрины хорошо отразил предвоенный кинофильм «Если завтра война». В нем начало боевых действий показано именно так, как его представляли себе советские военные теоретики и военачальники. Внезапное нападение на СССР было мгновенно отбито, военные действия перенесены на территорию противника. Советские самолеты начали бомбить вражеские города, в Германии на борьбу с фашизмом поднялся немецкий пролетариат...

Если боевые действия Красная армия будет вести на территории противника, зачем, в таком случае, нужны партизанские формирования? С кем они будут сражаться? При таком подходе утрачивался смысл секретных партизанских отрядов, они не вписывались в планы обороны и только отвлекали людские и материальные ресурсы.

Помешала развитию партизанского движения и политическая обстановка, которая характеризовалась «поиском врагов». В БССР в 1937–1938 годах проходили громкие политические процессы под общим названием «Объединенное антисоветское подполье», куда будто бы входили «Организация правых», «Национал-фашистская организация», «Троцкистско-террористическая организация», «Эсеровская организация», «Бундо-сионистская организация» и другие. Даже перечисление их названий и сегодня вызывает у людей недоброе предчувствие.

По «делу» «Объединенного антисоветского подполья» в Белорусской ССР было арестовано и осуждено более 2,5 тыс. человек, в их числе 16 членов ЦИК и СНК БССР, 40 наркомов и их заместителей, 24 секретаря окружных, городских и районных комитетов КПБ(б), были выявлены «враги народа» и в Белорусском военном округе, и в органах НКВД, и в высших учебных за-

ведениях, и в хозяйственных организациях республики [5] ...

В эти смутные времена у некоторых советских руководителей случилось «озарение»: а не для «повстанческой» ли армии белорусских националистов, ориентирующихся не на «пролетарскую Москву», а на «буржуазную Варшаву», созданы в лесах секретные партизанские отряды?

Атмосферу тех лет, изменившееся отношение руководства СССР к секретным партизанским формированиям хорошо передают воспоминания И.Г. Старинова, одного из создателей довоенных партизанских отрядов. Как только Илья Григорьевич в ноябре 1937 года вернулся из Испании, он тотчас был вызван в НКВД, где состоялась «беседа с пристрастием», после которой, как он отметил в своих мемуарах, «меня охватил такой страх, какого я не испытывал никогда – ни на фронте, ни в тылу врага» [3, с. 78]. В НКВД ему заявили, что заблаговременная подготовка к партизанской войне на случай вражеской агрессии, это, оказывается, «затея врагов народа», таких как Якир, Уборевич и другие [3, с. 78]. Старинов обратился за защитой к наркому обороны К.Е. Ворошилову, которому рассказал о вызове в НКВД.

«– Товарищ народный комиссар, ведь мы выполняли задание Центрального Комитета партии по подготовке к партизанской борьбе, а склады с оружием готовились по вашему указанию.

Ворошилов смутился, потом взял телефонную трубку и позвонил Ежову.

– Здравствуйте, Николай Иванович. Да вот... У меня сидит недавно прибывший из Испании Старинов. Его допрашивали о выполнении им заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладке для них оружия».

Старинов не мог поверить: Ворошилов назвал «бандами» партизанские отряды, которые с таким трудом были созданы органами НКВД и Красной армией по решению ЦК ВКП(б) и советского правительства.

В трубке слышится неестественно тонкий голос. Затем снова говорит Ворошилов:

– Конечно, он выполнял задания врагов народа. Но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела.

В конце телефонного разговора с Ежовым Ворошилов отметил:

– Но он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте

его в покое. Сами примем соответствующие меры».

Заступничество маршала Ворошилова спасло жизнь Старинову. Через несколько дней он получил новое назначение и продолжил воинскую службу [3, с. 78–79].

Но не все партизанские командиры могли отыскать себе таких высоких покровителей. Как уверяет в своих мемуарах И.Г. Старинов, «от репрессий в 30-е годы погибло в десятки раз больше хорошо подготовленных партизанских командиров и специалистов, чем за всю Великую Отечественную войну» [3, с. 79]. Таким образом, в самое неподходящее время, накануне войны, были внезапно расформированы секретные партизанские отряды и группы, изъяты предназначенные для них тайники с оружием, боеприпасами и взрывчаткой, закрыта сеть партизанских школ. Частично уцелели лишь те партизанские руководители, которые в это время воевали в Испании, – А.К. Спрогис, С.А. Ваупшасов, Н.А. Прокопюк, И.Г. Старинов и другие [1, с. 60].

Положение усугублялось и тем, что распущенные партизанские отряды не получили адекватной замены. Фактически в приграничных районах не осталось специально подготовленных сил, способных при вынужденном отходе Красной армии осуществить вывод из строя железнодорожных станций, мостов, путей, чтобы ими не смог воспользоваться враг. Поэтому в начале войны в Беларуси произошло наихудшее: железные дороги достались противнику в рабочем состоянии. Об этом свидетельствуют немецкие источники, в частности, дневник командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, который специалисты считают одним из самых ценных и авторитетных. «Благодаря использованию местного вагонно-локомотивного парка мы получили возможность осуществлять транспортировку войск и грузов по местным железным дорогам, – записал в дневнике 25 июня 1941 года фон Бок. – ... Это позволит разгрузить движение на забитых автомобильным транспортом дорогах и облегчить снабжение танковой группы Гудериана» [6, с. 52].

Бок удивлялся, почему при отходе советских войск не были взорваны важные коммуникации. 22 июня 1941 года фельдмаршал записал в своем дневнике: «Странное дело: русские почему-то оставили один мост через

▲ Белорусские партизаны минируют дорогу. 1943 год

Буг в целостности и сохранности. Поехал в Брест. Еще до полудня здесь стоял железнодорожный мост, очень удобный для переправы войск на другой берег» [6, с. 47].

После оккупации противником части территорий руководство СССР остро ощутило нехватку «второго фронта» – массового партизанского движения в тылу врага. В обращении к советскому народу 3 июля 1941 года Сталин призвал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды...» [7, с. 12]. Но сформулированные задачи были слишком общими, например, создавать «невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [7, с. 13]. В подобном духе была составлена и директива ЦК КП(б)Б от 1 июля 1941 года, которая потребовала: «Все местности Белоруссии, занятые врагом, должны немедленно покрываться густой сетью партизанских отрядов». Перед партизанами ставились задачи: «убивать (врагов. – И.Б.) чем попало: топором, косой, ломом, вилами, ножом», для уничтожения врага «не стесняйтесь прибегать к любым средствам: душийте, рубите, жгите, травите фашистскую гадину» [8, с. 54].

Как мы видим, ни в обращении Сталина, ни в директиве ЦК КП(б)Б перед партизанами не ставилась главная цель – дезорганизовать тыл немецких войск, перерезать железнодорожные коммуникации, лишить подвоза немецким частям пополнения, горючего и боеприпасов. Народных мстителей ориентировали на борьбу с фашистскими гарнизонами, с проходящими частями, что ставило под удар, в первую очередь, местное население. Напомним: распоряжение

фельдмаршала Кейтеля от 13 мая 1941 года требовало немедленно применить к населенным пунктам, в которых немецкие войска подвергнутся нападению, «...массовые насильственные меры...» [9, с. 527]. И оно неукоснительно выполнялось. По подсчетам белорусских историков, за три года оккупации Беларуси фашисты провели на ее территории более 140 карательных операций, во время которых сожгли вместе с жителями 619 деревень, из них 188 так и не возродились [10].

Справедливости ради отметим, что после обращения Сталина к советскому народу, а затем принятых ЦК ВКП(б) и СНК СССР соответствующих директив было много сделано по развитию партизанского движения, несмотря на то, что возрождать «партизанку» пришлось буквально с нуля. В фундаментальном труде белорусских

историков «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» справедливо отмечено, что в республике «к началу Великой Отечественной войны партизанское движение не имело ни готовых боевых сил, ни заранее разработанных организационных форм» [11, с. 3].

Бывший партизан Н.И. Гребенкин рассказал автору статьи о невероятных трудностях, которые пришлось пережить народным мстителям в 1941 году. Партизаны не имели ни вооружения, ни боеприпасов, ни продуктов питания, ни лекарств. Большинство «новоиспеченных» командиров, не обладая специальной подготовкой, на первых порах даже не представляли, как обеспечить в лесу пропитание подчиненных, вооружить их и начать партизанскую борьбу. Не умея организовать дело, некоторые командиры замкнулись «сами в себе», их отряды бездействовали, партизаны сутками бесцельно «слонялись» по окрестным лесам, нередко пьянствовали.

В беседе с автором статьи бывший партизан В.И. Юрчик с горечью констатировал: «Страшное дело, когда вооруженные люди остаются без боевых приказов, предоставлены сами себе. Такие группы, сами того не замечая, невольно превращаются в банды, цель которых – нажива и самогон».

Партизанским отрядам требовалась экстренная помощь. В июле 1941 года был создан оперативно-учебный центр Западного фронта, в задачу которого входили самая минимальная подготовка партизанских отрядов и диверсионных групп, их материальное обеспечение и переброска в тыл врага. На все это отводилось до 7 суток (сравним: в 1930-е годы будущих партизан обучали от 3 до 6 месяцев) [3, с. 80].

Ветераны свидетельствуют, что большую помощь в организации партизанского движения оказала Особая группа при наркомате внутренних дел и ее войсковая структура – отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. В бригаду зачислялись партийные, советские и чекистские работники, иностранцы (по рекомендации Коминтерна), спортсмены. Особой группой и ОМСБОН в тыл врага направили более 2 тыс. оперативных формирований общей численностью 15 тыс. человек [12, с. 208]. Значительная часть этих сил была перебросана и на территорию оккупированной БССР.

**партизаны,
мстите без пощады!**

Однако поспешные меры не дали в 1941 году должных результатов. Небольшие партизанские отряды, созданные в Беларуси в начале войны, насчитывали по несколько десятков человек, они были вооружены легким стрелковым или даже охотничьим оружием [11, с. 5]. «Брали людей, как правило, добровольцев, патриотов, обучали их 10–15 дней, а зачастую и того меньше, – вспоминал И.Г. Старинов, – и отправляли необученных, невооруженных, без всяких средств связи в тыл противника, и они гибли. Как выразился легендарный партизан Герой Советского Союза Наумов Михаил Иванович: гибли, как мотыльки над костром» [13, с. 262].

На первых порах не складывались у партизан и взаимоотношения с местным населением. Вынужденные «реквизиции» у крестьян продовольствия и одежды, нападения партизан в деревнях на немецких солдат и ответные карательные меры оккупационных властей, предвоенные репрессии заранее подготовленных подпольщиков – все это создавало «вакуум» вокруг первых партизан, не давало им закрепиться в белорусских лесах. По свидетельству И.Г. Старинова, во втором полугодии 1941 года было создано и направлено в тыл противника в Беларусь 437 партизанских отрядов и групп [3, с. 83]. Уже после войны исследователи установили, что в декабре 1941 года в Беларуси закрепились и действовали всего 50 партизанских отрядов [11, с. 20]. «Отвага и мужество партизан, – отмечает И.Г. Старинов, – не могли компенсировать отсутствия у них должной подготовки» [3, с. 83]. Часть партизанских отрядов и групп погибла в боях с противником, часть распалась, некоторые отошли обратно в советский тыл.

Действенную помощь партизанскому движению в Беларуси могли оказать окруженные в Новогрудском «котле» части одиннадцати советских дивизий 3, 10 и 13-й армий Западного фронта. Среди «окруженцев» (как их называли тогда) были опытные командиры, штабные работники, тыловики, связисты, саперы – то есть самые нужные в партизанском движении военные специалисты. Однако солдаты и офицеры Западного фронта, попавшие в окружение, не были ориентированы советским руководством на партизанские действия. Об этом свидетельствуют листовки Военного совета Западного фронта, которые разбра-

сывались с самолетов над окруженными советскими частями. В листовках обычно «окруженцам» ставились задачи перейти линию фронта и соединиться со своими войсками: о возможности перехода к лесному сопротивлению врагу даже не упоминалось [14, с. 220–221].

Тем не менее часть советских воинов-окруженцев перешли к организованной партизанской борьбе в белорусских лесах. И сегодня нужно отдать им дань глубокого уважения, ибо они, по свидетельству командира партизанского отряда «Октябрьский» В.И. Панченкова, «обладая военными знаниями, боевым опытом, оказали неоценимую помощь в развертывании партизанского движения в Белоруссии» [15, с. 10].

Известны примеры, когда на базе попавших в окружение армейских частей Западного фронта формировались партизанские отряды, которые вели успешную борьбу с врагом. Так произошло с 208-й моторизованной дивизией 10-й армии Западного фронта под командованием полковника В.И. Ничипоровича, ставшей партизанским полком № 208, который успешно действовал в районе Бобруйска [1, с. 106–107; 11, с. 619].

Подсчитано, что в годы Великой Отечественной войны на территории БССР военнослужащие составляли 11 % общего числа партизан, они возглавляли 52 % партизанских бригад, большинство партизанских штабов [1, с. 107–108].

И все же малочисленные отряды народных мстителей не могли в 1941 году парализовать тыловые коммуникации немецких войск, отрезать их от европейских баз снабжения, как того требовала сложившаяся обстановка. Отсутствие летом 1941 года в Беларуси «второго» – партизанского – фронта сказалось и на положении здесь советских войск. «В итоге 10-дневных боев, – отмечается в журнале боевых действий Западного фронта, – противнику удалось вторгнуться на нашу территорию на глубину 350–400 километров и достигнуть рубежа реки Березина» [16, л. 67].

Используя захваченные советские железные дороги, немцы сумели наладить снабжение своих частей горючим и боеприпасами, чем обеспечили себе быстрые темпы продвижения. В журнале боевых действий Западного фронта записано, что в июне 1941 года в Беларуси «средний

темپ наступлення немцев за первые пять суток (составил. – И.Б.) до 60 километров в сутки, а за весь период с 22 по 30.06 – до 45 километров в сутки» [16, л. 68]. А ведь для обеспечения наступающих частей требовались огромные объемы горючего, боеприпасов и прочего. По стандартам вермахта, одной пехотной дивизии Восточного фронта в 1941 году в сутки, при ведении боевых действий, необходимо было 1100 т расходных материалов, для бронетанковых частей – 700 т [17, с. 274]. Поставить с европейских баз снабжения такие объемы груза можно было только железными дорогами, которые, как мы уже отметили, в рабочем состоянии достались врагу.

Парализовать железнодорожное сообщение на оккупированной территории стало насущной необходимостью. Это обстоятельство заставило советское руководство снова вернуться к тем изначальным задачам, которые намечались предвоенными планами обороны. 5 сентября 1942 года в приказе наркома обороны Сталина «О задачах партизанского движения» были впервые сформулированы новые установки для народных мстителей. «Разгром германских армий, – отмечалось в документе, – может

быть осуществлен только одновременными боевыми действиями на фронте и мощными непрерывными ударами партизанских отрядов по врагу с тыла» [1, с. 165]. Наряду с прежними требованиями – «при всякой возможности истреблять воинские гарнизоны, штабы и учреждения, отряды войск, отдельно следующих офицеров и солдат», была заявлена необходимость перекрыть пути доставки войскам противника боеприпасов, топлива, продовольствия и иных военных материалов. «Закрывать пути подвоза, – отмечалось в приказе, – значит лишить врага возможности пополнять фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами» [1, с. 165–166]. Также перечислялись способы вывода из строя коммуникаций противника: подрывы железнодорожных путей и мостов, поджоги станционных сооружений и так далее.

Таким образом, только в сентябре 1942 года диверсии на коммуникациях руководством СССР были определены как первоочередные и главные задачи партизан. Заметим, с опозданием на целый год! Руководствуясь приказом наркома обороны, военные советы Брянского, Западного и Калининского фронтов также дали установку командованию партизанских отрядов ударить по железным, грунтовым и шоссейным дорогам и тем самым парализовать воинские перевозки врага [1, с. 166].

Массовый, действительно всенародный характер партизанское движение на белорусской земле обрело только в 1943 году. Именно с этого времени партизаны стали оказывать действующей армии ощутимую помощь. Подтверждение тому – «рельсовая война». Под таким условным названием проходили операции советских партизан по одновременному массовому разрушению железнодорожных коммуникаций на оккупированных немцами территориях. Они планировались Центральным штабом партизанского движения совместно с Генеральным штабом и проводились накануне или во время крупных наступательных действий Красной армии.

«Рельсовая война» на территории республики продолжалась до 1944 года, то есть до полного освобождения Беларуси. В ее истории можно выделить три этапа. Первый начался в ночь на 3 августа 1943 года, во время контрнаступления советских войск под Курском. Около 74 тыс. партизан

▼ Партизанское движение на территории Беларуси. 1942–1944 годы

нанесли удар по железнодорожным коммуникациям противника, было взорвано более 121 тыс. рельсов, в результате чего на отдельных железнодорожных ветках на белорусской территории в августе вообще прекратилось движение поездов, а на других – было приостановлено на 10–15 дней. И это в разгар Курской битвы...

По подсчетам исследователей, в результате партизанских диверсий перевозки воинских грузов только для группы армий «Центр» сократились на 40 % [18]. Если бы приграничные партизанские формирования по единому плану начали масштабную «рельсовую войну» в 1941 году, то, вне всякого сомнения, они парализовали бы снабжение немецких частей горючим и боеприпасами. Ведь ввозимые запасы частей Восточного фронта, по стандартам вермахта, в 1941 году были рассчитаны только на 8–10 дней боевых действий [17, с. 278]. На практике это означало, что, подойдя к Западной Двине и Днепру, немецкие войска не имели бы возможности пополнения топлива и боеприпасов. Встретив сопротивление свежих советских армий, они были бы вынуждены или перейти к обороне, или начать отход назад, к европейским базам снабжения.

Таким образом, есть достаточные основания полагать – если бы накануне войны не были ликвидированы приграничные парти-

занские формирования, остановить группу армий «Центр» удалось бы не под Москвой, а еще на белорусской территории.

Конечно, история не признает сослагательного наклонения. Но уроки из прошлых просчетов, на наш взгляд, должны быть извлечены. Мы обязаны помнить мудрость древних: «Si vis pacem, para bellum» – «хочешь мира, готовься к войне». Еще один важнейший момент: пора, наконец, установить в Беларуси праздник – День Памяти партизан. Этим мы почтим их героизм в суровые годы войны, когда народные мстители самоотверженно держали «второй фронт» в тылу врага. ▀

▲ Диверсионная группа партизанского отряда имени К.Е. Ворошилова бригады имени С.М. Буденного захватывает мост через р. Случь. 1943 год

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярский, В.И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей / В.И. Боярский. – Минск: Харвест, АСТ, 2003. – 304 с.
2. Фрунзе, М.В. Избранные произведения / М.В. Фрунзе; предисл. М. Гареева. – М.: Воениздат, 1977. – 480 с.
3. Старинов, И.Г. О войне в тылу врага / И.Г. Старинов // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 5. – С. 76–89.
4. Ваупшасов, С.А. На тревожных перекрестках: Записки чекиста / С.А. Ваупшасов. – М.: Политиздат, 1971. – 461 с.
5. Процька, Т.С. «Аб'яднанае антысавецкае падполле» / Т.С. Процька // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1993. – Т. 1: А – Беліца. – С. 25–26.
6. Бок, Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945 / Ф. фон Бок; пер. А. Кашина; науч. ред. А. Исаев, Н. Баринев. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 512 с.
7. Сталин, И. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И. Сталин. – СПб.: Питер, 2010. – 192 с.
8. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Документы и материалы: в 3 т. – Минск, Беларусь, 1967. – Т. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – 743 с.
9. История Беларуси в документах и материалах / Авт.-сост. Н.И. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Минск: Амалфея, 2000. – 672 с.
10. Населеныя пункты Беларусі, знішчаныя разам з жыхарамі ў 1941–44 нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў Вялікую Айчынную вайну // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1999. – Т. 5: М – Пуд. – С. 298–300.

11. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Крат. сведения об орг. структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [А.Л. Манаенков и др.]; Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
12. Судоплатов, П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы / П.А. Судоплатов. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 700 с.
13. Старинов, И.Г. Второй фронт / И.Г. Старинов // Партизаны и армия: История утерянных возможностей / В.И. Боярский. – Минск: Харвест, АСТ, 2003. – С. 256–270.
14. Басюк, І.А. Заходні фронт у пачатковым перыядзе Вялікай Айчынай вайны: манаграфія / І.А. Басюк; УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы». – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2013. – 325 с.
15. Новогрудский государственный историко-краеведческий музей. – НГКМ – 5171: Воспоминания командира партизанского отряда «Октябрьский» В.И. Панченкова (рукопись).
16. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Фонд 208. – Оп. 2511. – Д. 207.
17. Молот войны. Полная энциклопедия немецкой армии 1933–1945 гг. / Пер. с англ. А.В. Жабцева. – Минск: Харвест, 2010. – 400 с.
18. Лемяшонок, У.І. «Рэйкавая вайна» / У.І. Лемяшонок // Бел. энциклапедыя: у 18 т. – Мінск, 2001. – Т. 13: Праміле – Рэлаксі. – С. 562.